

Глава 2

ПОСЛЕДОВАТЕЛИ РАСПУТИНА
И СЕПАРАТНЫЙ МИР

Распутин обладал влиянием, не имевшим себе равных. Царица верила каждому его слову и, в свою очередь, влияла на политику мужа. Но чего хотел сам Распутин? Какой политики он ждал от правительства? Политиком в полном смысле этого слова он не был. Этот авантюрист просто стремился избавиться от тех, кто не любил его, и возвысить тех, кто защищал его или искал его милостей. Великому князю Николаю Николаевичу претили его эскапады, и с помощью царицы Распутин добился его снятия с поста главнокомандующего и замены его самим царем. Этот шаг возмутил руководство Антанты и порадовал немцев.

Некоторые духовные лидеры церкви хотели отлучить Распутина и предать его анафеме за разврат. Но он добился «августейшего повеления», согласно которому этих людей, в нарушение всех канонов, отправили в ссылку. Для этого оказалось достаточно рапорта «серого кардинала» — прокурора Священного синода. Оставалась Государственная дума. Ее беспомощность по контрасту со всемогуществом темного авантюриста все более возбуждала общественное мнение. Распутин натравил на Думу царя, и тот беспощадно подавил последние ростки конституционализма, которые в интересах сохранения царизма посеял не кто иной, как махровый контрреволюционер Столыпин.

Когда влияние Распутина успешно прошло проверку, его дом и различные квартиры в аристократических районах Петербурга, в которых происходили его гомерические оргии, наполнились пестрой толпой просителей, интриганов, карьеристов, авантюристов, шпионов, маклеров, биржевых спекулянтов и, наконец, людей, мечтавших о министерских портфелях. Всем требовалась рекомендация Распутина, словечко, замолвленное в нужный момент, или безграмотная записка, адресованная кому-то из высокопоставленных особ. Все обдывали с его помощью свои грандиозные аферы и мелкие делишки. Однако за помощь Распутина требовалось платить. Все

пытались что-то шепнуть ему на ухо, что-то выведать у него или заставить его что-то сделать. Но этот хитрый комедиант никого не слушал. Мало-помалу он создавал свою собственную странную «теплую компанию», состоявшую наполовину из политиков, наполовину из спекулянтов. В этой банде Распутин был царем и богом. Ее члены были тесно связаны круговой порукой; они помогали друг другу карабкаться наверх и убирать все препятствия с пути своего оракула. Этой клики боялись все. Кое-кто пытался закулисно интриговать против нее, но дело обычно кончалось неким тайным соглашением.

Тем временем продолжалась веселая игра в «министерскую чехарду». Один «калиф на час» сменял другого. Ловкие акробаты карабкались по спинам других людей, предлагали друг другу поддержку, топтали тех, кто спотыкался, затем спотыкались сами и падали. Некоторые наиболее уважаемые консерваторы вроде Родзянко пытались довести до царя весь ужас ситуации. Но царь искренне не понимал этого. Кое-кто из великих князей начинал бояться, что Николай приближается к краю пропасти, куда потянет за собой и всех членов царской семьи. Царь злился. В Думе произносили гневные речи даже такие реакционные монархисты, как Пуришкевич. Царь напрягался и готовил указ о роспуске Думы. Последний буфер между властью и безмолвствовавшей, но возбужденной страной мог быть уничтожен в любой момент.

И в армии, и в тылу, в студенческих аудиториях и крестьянских избах звучит слово «измена». Оно становится особенно слышным после очередного поражения. Это неизбежный спутник деморализации. Цель для подозрений существует и сама напрашивается быть атакованной. Императрица — немка, которая действует в пользу «своих», она готовится предать союзников и заключить сепаратный мир. Через царицу враги узнают самые важные военные тайны. Сторонники Распутина намеренно разваливают государственную власть. Даже много лет спустя Родзянко решительно утверждал, что «кружок Распутина находился под несомненным вражеским влиянием и служил интересам Германии».

Теперь мы знаем (во всяком случае, практически), насколько справедливы были эти подозрения¹.

16 августа 1916 г. в личном письме к царю английский король указал на высокую активность германских агентов в России. Николай не стал отрицать их существование и пообещал «заняться ими», однако добавил: «Я думаю, существует более серьезное явление, требующее постоянной борьбы: деятельность некоторых банков, которые до войны находились в руках немцев; их невидимое, но сильное влияние сказывается в медленном выполнении заказов на военную технику, боеприпасы и так далее».

Хотя российский капитализм, и в частности финансовый капитализм, был в каком-то смысле «дочерней фирмой» капитализма Антанты, однако у германского капитализма была своя сфера влияния. Участие германского капитала было особенно сильным в Петроградском международном банке (директор А.И. Вышнеградский), который принадлежал компании «Дисконтогезельшафт»; в Русском внешнеторговом банке, зависевшем от берлинского «Дойче банка»; и, наконец, Русско-Азиатский банк (находившийся под управлением А.И. Путилова, причем в совет директоров входил и Вышнеградский) имел давние связи с немецким банкирским домом «Варбург и компания», а также с Круппом. Из этих трех банков два первых осуществляли контроль над значительной частью российской металлургии (текстильная промышленность входила в сферу влияния Антанты). Кроме того, немецкая электротехническая компания «Сименс унд Гальске» открыла в Петербурге свой филиал, называвшийся «Электрическим обществом-1886». Вместе с компанией «Альгемайне электрицитетсгезельшафт» (Ратенау), проникшей в Россию позже, они создали Русский электрический синдикат, который покрыл всю Россию линиями электропередачи, протянутыми по определенному плану. Таким образом, немецкий капитал имел в довоенной России сильные позиции. Его щупальца дотягивались до разных политических групп и людей, пользовавшихся влиянием в правительстве и обществе. Именно к ним вели многочисленные ниточки, за которые дергал тот, кто

стремился подорвать симпатии к Антанте и подтолкнуть Россию к заключению сепаратного мира с Германией.

В воспоминаниях Вильгельма II указывается, что посол Мирбах сообщил ему о меморандуме, переданном царю в 1914 г. графом Коковцевым, бывшим министром финансов, пользовавшимся большим авторитетом в российских банковских кругах. В этом меморандуме граф возражал против войны и выступал за тесные связи с Германией. Он предсказывал, что «война закончится поражением и приведет к падению династии». Гельферих, один из наиболее активных руководителей «Дойче банка», описывает шаги, предпринятые в самый канун войны русской «партией мира» во главе с Коковцевым. Стремясь заключить мирное соглашение с немецкими финансовыми кругами, эта партия отправила в Берлин своего эмиссара Л.Ф. Давыдова, занимавшего видный пост в Русском внешнеторговом банке. В случае начала войны эти круги должны были внешне хранить молчание, но ждать благоприятной возможности для приближения ее конца и нового объединения усилий.

Возможно, роль главного агента здесь сыграл известный финансист Манус. Согласно воспоминаниям бывшего французского посла в России Мориса Палеолога, Манус «поддерживал регулярную связь со Стокгольмом (иными словами, с Берлином)» и был «главным распространителем немецких субсидий в России». Каждую неделю Манус устраивал прием для Распутина и других лиц, связанных с фрейлиной Вырубовой, а через нее — с самой императрицей.

В соответствии с государственным законом о конфискации немецкой собственности Московская городская дума долго, но тщетно добивалась закрытия «Электрического общества-1886». Это общество, в то время значившееся швейцарским, защищал известный сторонник Распутина князь Андронников. Закрыть это общество так и не удалось; напротив, в конце 1916 г. оно получило гарантию правительства о предоставлении ему банковской ссуды в четыре миллиона рублей. В Думе вызвала сенсацию речь правого депутата Хвостова, направленная против «немецкого засилья» и постоянно увеличивавшегося тайного влияния германского капитала на жизнь России. Хвостов угрожал новыми разоблачениями, особенно относив-

шимися к электротехнической промышленности. Но разоблачений не последовало. Андронников через Распутина, Вырубову и императрицу сделал Хвостова министром. «Целью этого назначения, — впоследствии заявил Хвостов следственной комиссии, — было желание избежать моих речей о германском капитале и особенно об электротехнической промышленности». Затем Хвостов сделал министром финансов своего родственника Татищева. За это Татищев дал Распутину взятку в 100 000 рублей; во всяком случае, так утверждает сообщник Распутина, бывший директор департамента полиции Белецкий. Позже Татищев попал под следствие и был обвинен в «оказании помощи врагу». Но Татищев дал ставленнику Распутина Протопопову еще 100 000 рублей на покупку муки для мифических «магазинов Общества борьбы против высокой стоимости жизни», после чего Протопопов передал дело Татищева ангелу-хранителю последнего Белецкому «для наблюдения за ходом следствия».

Возможно, самой зловещей фигурой кружка Распутина был Манасевич-Мануйлов. Доклады бывшего министра иностранных дел Извольского показывают, что этот человек действовал как агент германского посла Пурталеса, совершившего неудачную попытку купить за 800 рублей ведущего журналиста газеты «Новое время». Когда Манасевича-Мануйлова привлекли к суду за шантаж и взяточничество, Николай II по просьбе царицы лично приказал закрыть дело. Под предлогом «отсутствия улик» его положили под сукно и так и не возобновили.

На фоне немецких козней и бессилия властей история дворцовой интриги и наглого шпионажа с целью заключения сепаратного мира выглядит просто фантастической.

Действия в пользу сепаратного мира осуществлялись по двум направлениям: индустриально-финансовому и династически-дипломатическому.

Начнем с первого. В начале июня 1915 г. в Стокгольме объявился директор «Дойче банка» Монкевиц. Он встретился с российским промышленником, «одним богатым русско-

польским евреем» со связями в Берлине (видимо, Манусом). Через последнего Монкевиц довел до сведения русского посла свое пожелание, «чтобы два человека могли как можно скорее тайно встретиться в Москве или Копенгагене; при этом немецкую сторону будет представлять либо Бодельсон*, либо Варбург**, а русскую — видный финансист...» (фамилия отсутствует); целью этой встречи будут частные переговоры о мире «без ведома официальной дипломатии обеих стран». Русский посол тут же доложил об этой встрече тогдашнему министру иностранных дел Сазонову, добавив от себя, что речь идет о «прямом предложении» сепаратного мира и что это предложение достаточно серьезно, потому что «директор «Дойче банка» Монкевиц действовал явно не от своего лица». Фамилии «российского промышленника» и «видного финансиста» так и остались неизвестными, но не вызывает сомнений, что эти люди принадлежали к промышленным и финансовым кругам, которые до войны контролировались германским капиталом.

Сазонов относился к идее сепаратного мира резко отрицательно. Однако не прошло и года, как проект Монкевица оказался близким к осуществлению. В конце марта 1916 г. в доме германского посла в Стокгольме фон Люциуса состоялась беседа между Стиннесом и японским послом. Стиннес предложил, чтобы «влиятельные представители России, Японии и Германии встретились для обмена мнениями об условиях мирного договора». Стиннес, глава немецкого электротехнического треста, был тесно связан с Россией благодаря филиалам своего треста и Международному банку А.И. Вышнеградского.

А затем в Стокгольме состоялась якобы случайная встреча немецкого банкира Варбурга и члена возвращавшейся из Лондона российской «парламентской делегации», заместителя председателя Думы Протопопова. Кроме того, Протопопов был председателем Совета металлообрабатывающей промыш-

* Шведский финансист прогерманского толка.

** Гамбургский банкир, связанный с А.И. Путиловым и выполнявший дипломатические поручения.

ленности, которая контролировалась банками, зависевшими от германских синдикатов. С Протопоповым был «видный финансист» и нефтяной король Поляк, а также шведский банкир Ашберг. Варбург пытался убедить собеседников, что Англия всегда обманывала своих союзников, делает это и сейчас и в одиночку пользуется преимуществами войны. Поэтому России выгоднее дружить с Германией. Он подчеркивал «естественность» условий сепаратного мира: Польша будет восстановлена на землях, принадлежащих российской короне, согласно этнографическим границам; Курляндия перейдет к Германии, а Россия получит взамен Буковину (часть Галиции) и черноморские проливы — конечно, если сумеет отобрать их у турок с помощью военной силы. Красной нитью доводов Варбурга была игра на тщелавии царя: «Англия хочет доминировать и сломить волю русского царя, запрещая ему заключение сепаратного мира»*. Если верить Протопопову, на том беседа и закончилась.

Вернувшись в Петроград, Протопопов рассказал о своей беседе с Варбургом Милюкову и попросил совета, как лучше сообщить об этом царю. Милюков «испугался и сказал, что к этому предложению нужно отнестись всерьез». Он убеждал Протопопова описать царю стокгольмский эпизод как «не имеющий большого значения случай из жизни туриста». Протопопов выслушал совет, но поступил как раз наоборот — «придал ему большое значение и довел до сведения императора». Действительно, в письме Николая II жене от 20 июля 1916 г. содержится туманное упоминание о Протопопове: «Он был за границей с другими членами Думы, рассказал мне много интересного... и очень меня обрадовал».

Беседа с Варбургом стала для Протопопова началом карьеры: вскоре он сделался не только министром, но и фавори-

* Не следует забывать, что у Варбурга, подстрекавшего царя против Англии, были влиятельные союзники. 5 июня 1916 г. императрица писала мужу о Вырубовой: «Она забыла передать тебе слова нашего Друга [Распутина. — *Примеч. авт.*], что смерть Китченера нам на руку [так! — *Примеч. авт.*], поскольку впоследствии этот человек мог причинить России большой вред, и что вредные договоры теперь подписаны не будут. Понимаешь, он всегда боится того, как поведет себя Англия в конце войны, когда начнутся мирные переговоры».

том Распутина и императрицы. Эти последние начали кампанию столь секретную, что в личных письмах называли Протопопова конспиративной кличкой Калинин. Когда они наконец достигли цели, императрица написала мужу: «Благослови тебя Бог за выбор Протопопова — наш Друг говорит, что ты поступил очень мудро, назвав его имя». Протопопов тут же начал переговоры с банкирами, коммерсантами и промышленниками, которые могли способствовать его продвижению наверх. С согласия властей он хотел создать в следующей Думе компактную группу представителей этих кругов, насчитывающую от пятидесяти до восьмидесяти членов. «Центрами их предвыборной кампании станут провинциальные отделения частных банков» (в то время их насчитывалось около тысячи двухсот); некоторые частные банки уже предложили создать фонд избирательной кампании в размере двух миллионов рублей, предназначенный для обеспечения соответствия их ставленников требованиям, предъявляемым к кандидатам*, и, «возможно, для покупки голосов».

Теперь Протопопов стал одной из центральных фигур клики, сплотившейся вокруг Распутина. В канун Февральской революции императрица писала царю о своем близком друге, видном стороннике Распутина Н.Н. Саблине: «Сегодня вечером он обедает с Маклаковым [царским министром, которого не следует путать с правым кадетом, известным адвокатом В.А. Маклаковым. — *Примеч. пер.*], Калининным [то есть Протопоповым. — *Примеч. пер.*], Римским-Корсаковым и другими у Бордукова». Бордуков был посредником между Татищевым и Протопоповым, передавшим последнему 100 000 рублей на покупку пресловутой «муки». Римский-Корсаков являлся одним из вождей черносотенного Союза русского народа, во время войны ставшего «германофильским». Согласно сообщениям французской прессы, в конце 1914 г. Маклаков вместе с Щегловитовым и бароном Таубе представил Николаю меморандум о необходимости прекратить войну. В начале февраля 1917 г. он прозрачно намекнул царю, что правительство долж-

* Например, для того, чтобы быть избранным, требовалось пройти имущественный ценз, то есть обладать определенной собственностью.

но «восстановить порядок в стране *любой ценой* и победить *внутреннего* врага, который стал более сильным и опасным, чем *враг внешний*».

Это высказывание позволяет понять тактику распутинской клики, с самого начала борющейся за смещение Николая Николаевича с поста главнокомандующего. Злобная и подозрительная Александра Федоровна действительно убедила себя, что Николай Николаевич пытался завоевать военную популярность, чтобы отнять трон у ее незадачливого мужа. Однако за нашептываниями Распутина стояли реальные интересы реальных экономических групп. В мемуарах бывшего германского кронпринца описываются шаги, предпринятые Германией весной 1915 г. с целью заключения сепаратного мира. Кронпринц пишет: «Главная трудность заключалась в том, что великий князь Николай Николаевич все еще сохранял власть». Действительно, пока великий князь оставался на своем посту, сменить лозунг «война до победного конца» было невозможно. Поэтому сторонники сепаратного мира должны были сначала во что бы то ни стало устранить Николая Николаевича. Родзянко, изо всех сил пытавшийся уговорить царя не брать на себя обязанности главнокомандующего, говорил прямо: «Люди станут объяснять это решение влиянием окружающих вас немцев, которые, по всеобщему убеждению, связаны с нашим врагом и изменяют России». Составленные Яхонтовым протоколы тайных совещаний Совета министров показывают, что там на них с тревогой обсуждали вопрос, подчинится ли великий князь Николай Николаевич решению царя, или всемогущая ставка устроит государственный переворот. После острого конфликта с председателем восемь министров обратились к царю с просьбой не смещать Николая Николаевича. Они пытались напугать императора «опасностью серьезных последствий этого шага» как для него лично, так и для династии в целом, и подкрепили эту просьбу своей коллективной подячей в отставку.

Немецкое военное командование было так хорошо осведомлено о разногласиях в русском правительстве, что попыталось усилить раскол с помощью фальшивого царского манифеста, адресованного солдатам. Однако российские власти

тщательно собрали все экземпляры этого манифеста и скрыли их от народа. Там говорилось следующее:

Солдаты!

В наиболее трудный момент своей жизни царь обращается к вам, моим солдатам.

Эта несчастная война началась против моей воли: она была вызвана интригами Николая Николаевича с его сторонниками, желавшего отстранить меня, чтобы впоследствии занять трон. Я ни в коем случае не стал бы объявлять войну, если бы знал ее печальные последствия для матушки России, но мой завистливый родственник и продажные генералы мешают мне пользоваться властью, данной мне Господом, и я, опасаясь за собственную жизнь, вынужден выполнять все их требования.

Солдаты! Не слушайте приказов своих продажных генералов и поверните оружие против тех, кто угрожает жизни и свободе вашего царя и безопасности вашей любимой родины.

Ваш несчастный царь, *Николай*².

Следующая кампания партии императрицы и Распутина была направлена против восьми министров, сопротивлявшихся смещению главнокомандующего; эти люди были уволены один за другим. В конце концов пришла и очередь Сазонова. Британский посол Бьюкенен расстался с выжидательной позицией; в секретной телеграмме он просил царя «взвесить серьезные последствия, которые отставка господина Сазонова будет иметь для важных дипломатических переговоров, ведущихся в настоящее время, и еще более важных переговоров, которые потребуются вести в ходе войны». Но вопрос был уже решен. Сазонова должен был заменить Штюрмер. Самую горячую дискуссию вызвал вопрос, стоит ли рискнуть и сразу назначить на этот пост человека с немецкой фамилией или сначала дать ему возможность сменить ее. Впоследствии Штюрмер так и сделал, взяв себе старинную аристократическую фамилию Панин. Естественно, эти переговоры были тайными. «Я хочу этого назначения, но если оно произойдет, это станет громом среди ясного неба», — писал Николай жене. Так оно и вышло. Бывший немецкий кронпринц пишет:

«Наиболее благоприятный момент для заключения мира с Россией наступил в конце лета 1916 г., когда военное положение России было очень плохим. Именно в этот момент царь назначил Штюрмера главой министерства иностранных дел; несомненно, последний был настроен в нашу пользу. Я расценил это назначение как явный знак желания начать мирные переговоры».

Штюрмер тут же поставил все точки над «i». Он начал всячески тормозить публикацию соглашения с Англией по поводу Константинополя и манифеста о Польше, причем делал это по распоряжению царя, поскольку данные документы никак не способствовали заключению сепаратного мира. Согласно Бетману-Хольвегу, в немецких политических кругах придерживались мнения (которое последний не разделял), что сепаратный мир с Россией «практически предreshен» и сорвать его может только «крайне неуклюжая дипломатия».

Но немецкая дипломатия действительно оказалась «крайне неуклюжей». В отличие от Штюрмера, германское правительство опубликовало сообщение о создании Польского королевства под протекторатом Германии. Эрцбергер назвал это «настоящей политической катастрофой», похоронившей «уникальный шанс на заключение мира».

Но российские германофилы отнюдь не считали, что все потеряно. Сторонники императрицы и Распутина старались создать сильное правительство, которое могло бы освободиться от надзора думских партий, выступавших за сохранение союза с Антантой. Кружок сенатора Римского-Корсакова, к которому принадлежали министры Маклаков и Штюрмер и с которым был тесно связан Протопопов, подготовил меморандум, предусматривавший роспуск Государственной думы, радикальный пересмотр основных законов и превращение Думы в чисто совещательный орган, объявление военного и даже осадного положения в главных городах страны, закрытие всех левых газет и перевод на казарменное положение всей оборонной промышленности. Члены будущего «сильного правительства» должны были «поклониться государю не жалеть жизни в предстоящей борьбе, заранее указать своих преемников и получить от монарха всю полноту власти».

1 февраля атаман казаков Груббе представил царю план борьбы с «серьезными нарушениями порядка», которые «неминуемо будут сопровождать демобилизацию огромной армии» и «могут перерасти в мятеж». Главную роль в наведении порядка он отводил казакам.

Царизм скрытно, но очень серьезно готовился к прекращению борьбы на фронте и переносу ее в тыл. Однако открытый призыв Ленина к «превращению мировой войны в гражданскую» вызывал у монархистов страшную злобу.

Думские партии прекрасно знали о планах реакционеров заключить сепаратный мир. От имени московского Всероссийского совещания председателей земских управ князь Львов заявил: «Мучительные, ужасные подозрения в измене, в наличии тайных сил, работающих в пользу Германии и готовящих позорный мир, который уничтожит единство народа и вызовет раскол общества, ныне перешли в полную убежденность, что вражеская рука тайно влияет на государственную политику». Центральный комитет Союза городов публично обвинил известные силы, враждебные России, в намеренном саботаже национальной обороны. Все эти организации и их лидеры не посмели назвать имя, но оно вертелось у военного командования на кончике языка. Позже, весной 1917 г., генерал Деникин «задал этот мучительный вопрос» начальнику штаба главнокомандующего Алексееву. Последний «туманно и неохотно ответил: «Во время разбора бумаг императрицы нашли карту с подробной дислокацией частей на всем фронте, составленную только в двух экземплярах. Один был предназначен для меня, второй — для императора. Я был раздавлен. Этой картой мог воспользоваться кто угодно». К сказанному он не добавил ни слова и тут же сменил тему»³.

Однако гипотеза о «шпионаже императрицы» в пользу Германии не подтвердилась. Созданная Временным правительством комиссия Муравьева, в которую входили и представители Советов, не смогла доказать это. По нашему мнению, опубликованная переписка Александры Федоровны с Николаем исключает такую возможность. Конечно, у императрицы «разрывалось сердце» от мысли, что ее муж, сын и она сама находились на стороне России, в то время как ее отец, брат,

сестра и весь ее родной Гессен были в противоположном лагере. Если бы императрица время от времени не проклинала войну, она не была бы человеком. Осудить ее за это мог бы только самый закоренелый шовинист. Императрица была и оставалась немкой как по рождению, так и по образу мыслей. Но это не значит, что душой она всегда была на стороне Вильгельма. Точнее, она жалела не столько Германию, которая была для нее чисто абстрактным понятием, сколько свою «малую родину», свой Гессен, к которому Вильгельм, обаянный идеей пангерманизма, по ее мнению, относился жестоко. Как немка, она была безнадежно провинциальна. Ее душа тянулась ко всем этим Гессенам, Мекленбург-Штрелицам, Мекленбург-Шверинам, Шварцбург-Зондерхаузенам и Шварцбург-Рудольштадтам, карликовым княжествам и герцогствам, правители которых исправно поставляли невест (одной из которых являлась она сама) на брачную ярмарку европейских коронованных особ. Родственные чувства императрицы так же мешали ей желать победы «Ники» над Вильгельмом и Францем-Иосифом, как чувства бывшей принцессы Ангальт-Цербстской, ставшей русской императрицей Екатериной II, мешали последней осуществлять агрессивную внешнюю политику по отношению к своим западным соседям. Каждая неудача России заставляла «ее кровь кипеть при мысли о том, какую злобную радость эта неудача вызывала в Германии». Она задыхалась от негодования, когда русские войска были вынуждены оставить Галицию и ликующий Вильгельм, возможно, провел ночь на «той самой кровати старого Франца-Иосифа», на которой спал Николай, будучи в Лемберге (Львове). Ее приводила в восторг мысль о том, что в Константинополь, взятый русскими войсками, первым войдет полк, носящий ее имя. «Ах, поскорее бы настал день, когда в храме Святой Софии вновь прозвучит вечерня!» Она была уверена, что Николай I благословит из гроба своего правнука, отомстившего Австрии за предательство и объединившего под своим скипетром все древние славянские земли.

Императрица была не пангерманисткой, а панслависткой, но необычного толка. Она была патриоткой не своей страны, а всего лишь династии, членом которой стала. Ее панславизм

был предлогом для распространения власти этой династии; «расширение подвластных территорий всегда было любимым занятием правителей». При этом никакой любви к славянам она не испытывала. «Я бы хотела, чтобы эти балканские страны провалились сквозь землю, — откровенно писала она мужу. — Россия всегда была им любящей матерью, а потом они вероломно отворачивались от нее». Во время трагедии Сербии она тоном ментора заявляла: «Это наказание стране, которая убила своего короля и королеву». Когда австрийцы оккупировали Цетинье [столицу Черногории. — *Примеч. пер.*], она мстительно писала: «Теперь король [Черногории. — *Примеч. пер.*], его сыновья и здешние черномазые дочери [речь идет о принцессах Стане и Милице, женах двух великих князей, настроенных против Распутина. — *Примеч. авт.*], так безумно хотевшие этой войны, заплатят за все свои грехи против Бога и тебя, потому что они боролись с нашим Другом, хотя прекрасно знали, кто он такой».

На самом деле императрица никого не любила и никому не симпатизировала. Для этого ее сердце было слишком тесным. Итальянцев она считала «мерзкими эгоистами», французов — способными заключить сепаратный мир за спиной России и за счет последней, а от корыстных англичан ожидала «ужасных сложностей» при заключении мира.

«Fiat dynastia — pereat mundus!» [«Пусть торжествует династия, даже если рухнет мир!» Парафраз латинской пословицы: «Пусть торжествует правосудие, даже если рухнет небо!» — *Примеч. пер.*]

«Пацифизм» Распутина был намного более стойким и более расчетливым. В воспоминаниях французского посла Палеолога цитируются слова яростной сторонницы Распутина Вырубовой: «Если бы этот святой человек появился здесь раньше, войны бы не было. Я не знаю, что бы он сделал или посоветовал, но Господь вдохновил бы его... Какое несчастье, что в нужный момент он отсутствовал и не успел просветить императора». После возвращения в Петербург Распутин говорил о войне «только загадочными и апокалиптическими фразами, намекая, что он

не одобряет ее и предвидит большие несчастья». После военных поражений царица неизменно напоминала царю о предсказаниях Распутина: «Наш Друг всегда был против этой войны, говорил, что за Балканы сражаться не стоит и что Сербия окажется такой же неблагоприятной, как и Болгария».

Однако все это можно объяснить обычным узколобым и эгоистичным национализмом. Императрица разделяла точку зрения Распутина лишь время от времени, главным образом после военных поражений. Зато победы вдохновляли Александру Федоровну и заставляли мечтать о лавровом венке для ее несчастного мужа, «словно и впрямь родившегося в день многострадального святого Иова». Если бы она с самого начала была против войны с Германией и желала последней победы, то вела бы себя по-другому и пользовалась бы предоставлявшимися ей многочисленными возможностями.

10 сентября 1914 г. Палеологу из Биаррица позвонил Витте. «Он сказал мне, что вступление России в войну было безумием... Война разрушит Россию. Пожать плоды победы смогут лишь Франция и Англия... Ни один разумный человек не станет воевать за эти беспокойные и тщеславные Балканы, где давным-давно не осталось никаких славян, а есть только крещенные по ошибке турки». Витте не привлекала перспектива объединить всю Польшу под скипетром России, потому что объединенная Польша доставила бы куда больше хлопот, чем разделенная. Завоевание Дарданелл было делом еще более рискованным; их было бы трудно защищать, причем защита потребовалась бы двойная, поскольку желающих отобрать их хватило бы с избытком. Если победит Антанта, «вся Центральная Европа превратится в сплошную республику, и это станет концом эры русского владычества. Что же касается последствий поражения, то я предпочитаю о них не говорить».

Изо всех государственных деятелей того времени лишь Витте набрался мужества заявить публично: «Я могу сделать только один практический вывод: эту безумную авантюру нужно закончить как можно скорее».

Палеолог боялся, что первые военные неудачи пойдут Витте на пользу: «Этот человек обладает неистраченной энергией; его снедают честолюбие, обида и высокомерие». Будь цари-

ца тайной германофилкой, она быстро забыла бы свои старые обиды на Витте и постаралась его использовать. Но она была отравлена патриотическим угаром. Палеолог замечает: «Лицо царя сияло. Вся фигура императрицы выражала радостный экстаз... Императрица мало говорит, но ее напряженная улыбка и странный магнетический взгляд выражают внутренний энтузиазм». Посол не ошибся. Письма царицы к мужу выражают ее ликование: «С точки зрения морали это здоровая война... Она подняла воинский дух, покончила с умственным застоєм и объединила чувства людей».

Сторонницей идеи сепаратного мира царица стала позже, когда иллюзия победы растаяла как мираж, оставив после себя разочарование и безверие. Переписка царственной четы ясно показывает, какие усилия предпринимала Германия, чтобы заключить мир с Россией.

Одно предложение было сделано через статс-даму императрицы, Марию Васильчикову⁴. В момент объявления войны она гостила у своих знатных австрийских родственников и застряла в Австрии. Там ей нанесли визит три человека из придворных кругов Вены и Берлина, не имевшие отношения к официальной дипломатии. Позже Васильчикову с согласия Вильгельма II вызвали в Берлин для встречи с тогдашним министром иностранных дел фон Яговом. Она должна была довести до сведения российской общественности, что «никто в Германии и Австрии не испытывает ненависти к России» и что «величайшую ненависть немцы испытывают только к Англии». Подавляющее большинство немцев и австрийцев мечтают заключить с Россией прочный мир и создать «союз трех императоров». В этом союзе царю будет предоставлена почетная миссия на Дальнем Востоке. «Эта желтая раса способна на все, и только Россия может стать стеной на ее пути». Что же касается Дарданелл, то «царю достаточно выразить желание, чтобы России был тут же предоставлен свободный проход через этот пролив». После этого Васильчикова написала письмо императору, в котором сообщала: «Меня просили сообщить Вашему Величеству то, что стало известно из очень тайных источников: Англия собирается оставить Константинополь за собой и создать в Дарданеллах новый Гибралтар;

кроме того, в данный момент между Англией и Японией идут тайные переговоры о том, чтобы оставить Маньчжурию за последней».

Первые попытки Васильчиковой ни к чему не привели. Антанта, которая, в отличие от Германии, с Турцией связана не была, могла предложить больше. 3 мая 1915 г. Николай лично сообщил Палеологу, что он намерен принять «радикальное решение, касающееся Константинополя и черноморских проливов». Это было очень похоже на ультиматум. Через неделю Сазонов представил союзникам меморандум, выдержанный в том же духе. Англия дала принципиальное согласие, но сохранила за собой право на соответствующую компенсацию. Франция же задержалась с ответом более чем на десять дней. В это время германский посол в Стокгольме фон Люциус сообщил шведской прессе слух о тайных переговорах между Англией и Францией, направленных на то, чтобы «не передавать России Константинополь». После этого Франция также дала свое согласие. Однако зерна сомнения, посеянные Васильчиковой, дали ростки. В ноябре 1915 г. на военной конференции союзников в Шантильи представитель России посоветовал союзникам эвакуировать их экспедиционный корпус, действовавший в Галлиполи. В секретной телеграмме генералу Алексееву объяснялась невысказанная причина такого совета: опасность «создания постоянного английского порта, нового Гибралтара, у входа в Средиземное море». Текст телеграммы настолько совпадает с текстом письма Васильчиковой, что это нельзя считать простым совпадением.

Тем временем Васильчикова продолжала бить в слабое место. Цитируя фон Ягова, она сообщила царю, что Англия, «несмотря на все ее обещания», решила не отдавать России Константинополь и проливы и, по мнению Германии, после войны предложит последней «использовать ее силы против России». Однако Германия предпочитает заключить с Россией мир, потому что «нуждается в сильной монархической России, а потому уверена, что две царствующие династии должны поддерживать старые монархические и дружеские связи... В Германии считают, что продолжение войны [Россией. — *Примеч. авт.*] опасно для династии»⁵.

В своем письме от 14 мая 1915 г. Васильчикова предложила сообщить услышанное ею «лично» и попросила срочно предоставить ей «возможность прибыть в Царское Село». Генералу Бонч-Бруевичу пришлось обратиться за разрешением к генералу Алексееву. Поскольку в списках вражеских агентов, подлежащих аресту, Васильчикова не значилась, такое разрешение было получено⁶. В Петрограде Васильчиковой подготовили специальные апартаменты. После этого она получила пропуск в Царское Село и передала царице письма от ее гессенских родственников.

Миссия Васильчиковой не была тайной. Эта дама считала себя дипломатом и писала письма Сазонову, другим министрам и даже Родзянко. В результате поднялся громкий политический скандал; чтобы замять его, Васильчикову лишили звания статс-дамы и сослали в черниговское имение ее сестры.

Ранее Александра Федоровна воспользовалась услугами некоего безымянного «американца из И.М.К.А.», который должен был совершить поездку в Германию. Она попросила этого американца увидеться с принцем Максом Баденским и принцессой Викторией и обсудить с ними внешне вполне невинный вопрос об обращении с русскими военнопленными. В Германии придали этой инициативе бывшей гессенской принцессы исключительно важное значение; это был первый контакт между двумя правящими династиями после начала войны. Все письма, полученные от «американца», «Макса» и «Вики», царица переправляла мужу. «Пожалуйста, не говори, — просит она, — от кого эти письма (можешь сказать только Николаше [великому князю Николаю Николаевичу. — *Примеч. авт.*] о Максе, который присматривает за нашими военнопленными). Их присылают на имя Анны [Вырубовой. — *Примеч. авт.*] через шведов*, но не через придворную даму [Васильчикову. — *Примеч. авт.*], потому что никто не должен знать о них и даже об их посольстве. Я не знаю, чего они так боятся. Я открыто телеграфировала Вики,

* В личном письме Николаю II шведский король Густав V предложил ему свои услуги в качестве посредника.

поблагодарила ее за письмо и попросила передать мою благодарность Максуду за все, что он делает для наших пленных». Наивность последней фразы выглядит наигранной, потому что в первых строчках царица просит мужа «никому не говорить» об этих письмах. В других случаях она также старается соблюдать конспирацию из страха перед гласностью. Например, сообщает царю, что «Митя Бенкендорф сказал Павлу [великому князю Павлу Александровичу. — *Примеч. авт.*], что Маша [Васильчикова. — *Примеч. авт.*] привезла письма от Эрни [брата царицы, эрцгерцога Гессенского. — *Примеч. авт.*]. Аня сказала, что она ничего не знала, и Павел подтвердил это. Кто ему сказал?» Позже царица собиралась встретиться с Павлом и «объяснить ему то, что ясно как день».

Через брата царицы, эрцгерцога Гессенского, была предпринята самая серьезная попытка установить контакт между двумя правящими династиями относительно заключения мира. 17 апреля 1915 г. царица написала мужу, что получила «длинное и очень хорошее письмо от Эрни». Эрцгерцог намекнул на то, что ждать от России военных успехов не приходится, и сообщил сестре, что «в Германии не испытывают настоящей ненависти к России». Ему хотелось бы «найти выход из этого положения»; он считает, что «кто-то должен начать строить мост через пропасть». Но кто подходил для этой роли больше, чем он сам, брат жены русского императора? Он решил «абсолютно приватно направить компетентного человека в Стокгольм» для встречи с доверенным лицом Николая, посланным таким же «приватным» образом, минуя министерские и посольские каналы. Царица пишет, что ее брат уже «послал одного господина, который приехал туда 28-го и уедет через неделю». Но дело приняло нежелательный оборот. «С тех пор прошло уже два дня, а я услышала об этом только сегодня» [17 апреля по старому стилю соответствует 30 апреля по новому. — *Примеч. авт.*]. Оставалось только пять дней, а царь находился в ставке. «Поэтому я тут же написала ответ (через Дейзи [шведскую кронпринцессу Маргериту. — *Примеч. авт.*]) этому господину, что ты еще не вернулся и что ждать не нужно, потому что хотя здесь многие стремятся к миру, однако время для него еще не настало... Я хотела все сделать до твоего возвраще-

ния, поскольку знала, что тебе это будет неприятно. Конечно, В. [Вильгельм. — *Примеч. авт.*] ничего об этом не знает».

Еще одна напускная наивность. Кто поверил бы, что при немецких представлениях о порядке какой-то эрцгерцог Гессенский осмелился бы без ведома Вильгельма II послать своего эмиссара для встречи с личным полномочным представителем российского императора? Конечно, эта акция была ясна как день. Великому князю Павлу Александровичу, тесно связанному с французским послом, царица сказала, что «Николай и во сне не видит мира, так как знает, что это означало бы революцию». Выяснилось, что Павел Александрович не только знал о письме Эрни, но даже слышал о «безумных германских условиях». Учитывая утечку информации, а также то, что было уже слишком поздно, ничего другого царица сделать не могла. И все же лед был сломан. Германская сторона узнала, что хотя «время для мира еще не настало», но к нему «стремятся многие».

Теперь мы знаем всех посредников в тайных переговорах о мире. Со стороны немцев это были «шведы», то есть члены шведской королевской семьи; никто другой не мог бы действовать через голову шведского посольства в Петрограде. Со стороны царицы действовали «Анна», «Мария», «Дейзи» и безымянный «американец из И.М.К.А.».

Однако у переписки царицы с царем есть и другая сторона, не менее важная, чем вопрос о мире. Императрица не раз надевает свои «невидимые брюки» и даже заправляет их в столь же невидимые сапоги, предлагая конкретные планы военных операций. Николаю следует «послать несколько казачьих полков вдоль реки» или «передвинуть нашу кавалерию немного севернее, в направлении Либавы». Она упоминает даже конкретные воинские части (вспомним рассказ генерала Алексеева о секретной карте с указанием дислокации русских частей). Она рассуждает о действиях гвардейских полков, «расположенных к югу от Келлера», какие резервы находятся в тылу там-то и там-то, кем подкрепить левый фланг, куда послать артиллерию и т. д. Возникает вопрос: откуда она черпала вдохновение? Ответ на него содержится в переписке царицы. Ей необходимо знать все «для нашего Друга, кото-

рый может помочь». Она бранит царя, если тот «начинает наступление, не спросив совета у Распутина. Распутин думает обо всем и решает, когда для наступления настает подходящий момент. Или, как было в других случаях, когда наступление нужно остановить. В одном из писем императрица настаивает на том, что «Брусилову нужно немедленно приказать прекратить наступление на юг». Распутин не только думает обо всем, но и получает стратегические указания «сверху». Одно из писем императрицы особенно примечательно:

«Я должна передать тебе просьбу нашего Друга, которая приснилась ему во сне. Он просит тебя начать наступление на Ригу. Он говорит, что это важно... Сейчас можно застать их врасплох и заставить отступить. Он говорит, что очень важно сделать это *прямо сейчас*, и *очень серьезно* просит тебя отдать приказ войскам. Он говорит, что мы можем и должны атаковать и что я должна написать тебе об этом немедленно».

Кто знает, в каком логове Распутин видел этот сон? А вдруг в тот момент «Друг» был окружен шпионами, так и вившимися вокруг него? Хвостов рассказывает, как Распутину, собиравшемуся в Царское Село, давал инструкции германофил Дмитрий Рубинштейн, банкир и спекулянт: последнему было необходимо выяснить, в каком направлении будет осуществляться наступление. Рубинштейн говорил, что хочет выяснить, стоит ли покупать строевой лес в Минской губернии. Распутин выяснил это. А потом в письмах мужу царица удивлялась, «как все вокруг знают то, что положено знать только хорошо информированным членам ставки». Картина складывается ужасная даже в том случае, если сам Распутин являлся всего лишь нечаянным осведомителем немецких шпионов. В то время как одна воюющая сторона использует все ресурсы военной науки и техники, весь свой опыт и гений, другая сторона рискует сотнями тысяч солдатских жизней из-за пьяного сна какого-то невежественного и развратного юродивого!

Дальше ехать было некуда. После этого ничуть не удивительно, что в убийстве Распутина, организованном Пуришкевичем из-за любви к стране и династии, принимал участие великий князь Дмитрий Павлович. После войны царица была

готова свести счеты с Николаем Николаевичем, с «черномазыми дочерьми» (черногорскими принцессами) и другими родственниками, которых подозревала в намерении лишить ее мужа престола, а ее самое заключить в монастырь. Но те тоже не дремали. Однажды посреди ночи председателя Государственной думы Родзянко разбудил телефонный звонок. Его приглашала к себе великая княгиня Мария Павловна, вдова великого князя Владимира. При этом она была так настойчива и таинственна, что Родзянко «волей-неволей подумал о заговоре». На следующий день за завтраком великая княгиня «заговорила о внутреннем положении страны и недееспособности правительства, Протопопова и императрицы. Произнеся имя последней, она пришла в ярость и сказала, что императрица губит страну, что из-за нее опасность грозит царю и всей его семье, что такое положение вещей больше терпеть нельзя, что его нужно изменить, уничтожить, отстранить...

Желая понять, что именно она имеет в виду, я переспросил:

— Отстранить? О чем вы говорите?

— Ну, я не знаю... Нужно что-то предпринять, придумать... Сами понимаете... Дума должна что-то сделать... Она должна быть уничтожена...

— Кто?

— Императрица.

— Ваше высочество, — сказал я, — позвольте мне считать, что нашего разговора никогда не было... Иначе данная мною присяга обязывала бы меня пойти к императору и доложить...»

Родзянко говорил, что великая княгиня долго не могла решиться на этот разговор, но ее убедил сын, великий князь Кирилл Владимирович — тот самый, который впоследствии специальным манифестом объявил себя «императором всея Руси» Кириллом I и заявил, что будет править вместе с Советами. Во время революции он предоставил свой полк в распоряжение Государственной думы и украсил свой мундир революционным красным бантом.

Приближался трагический конец русских Людовика XVI и Марии-Антуанетты. Русские орлеанцы уже перешли в наступление. У них был собственный «Кирилл Эгалите».

Это стало началом внутреннего краха династии. До краха внешнего было подать рукой.

Однако один шанс на спасение еще оставался. Требовалось заставить страну врасплох, заключить сепаратный мир и объявить реакционную диктатуру.

Казалось, такая попытка будет сделана. 4 февраля 1917 г. русского посла в Христиании [ныне Осло. — *Примеч. пер.*] Гулькевича посетил болгарский посол в Берлине Ризов. Он попросил телеграфировать в Петроград «о желании Германии заключить мир с Россией на чрезвычайно выгодных для последней условиях». Ризов говорил, что действует по собственной инициативе, но, как выяснил Гулькевич, «не оставалось ни малейшего сомнения в том, что он действовал по германским инструкциям». Ради проформы Гулькевич ответил отказом, но, конечно, тут же телеграфировал в Петроград и получил в ответ приказ: «Если Ризов предпримет повторные шаги, внимательно выслушать его и уточнить, о каких именно условиях идет речь».

Граф Чернин [австрийский министр иностранных дел. — *Примеч. пер.*] в своих мемуарах говорит о «полномочном представителе одной из нейтральных стран», который предложил ему «вступить в переговоры с одной из вражеских стран без ведома остальных». Граф «ни секунды не сомневался в том, что речь идет о России». Чернин повторил прежнее предложение «Эрни» — организовать встречу полномочных агентов в каком-нибудь нейтральном государстве. Но было уже поздно. Вместо «полномочного агента» он получил известие о революции в России.

Глава 3

ДУМСКАЯ ОППОЗИЦИЯ

В своей книге «История второй русской революции» Миллюков, лидер буржуазной либеральной партии кадетов, предлагает довольно оригинальную интерпретацию Февральского переворота. По его мнению, этот переворот начался как стихийное движение, «абсолютно бесформенное и бесцельное».

¹ *Семенников И.В.* Романовы и германские влияния. 1914— 1917. Б. м., 1929.

² Текст этого документа, о котором упоминает Морис Палеолог, был найден в личном архиве бывшего царя и опубликован в указанной книге Семенникова на с. 37—38.

³ *Деникин АМ.* Очерки русской смуты. Т. 1. Ч. 1. С. 17.

⁴ *Семенников И.В.* Политика Романовых накануне революции. Б. м., 1927. С. 12-19.

⁵ Реакционно-пацифистский меморандум шефа тайной полиции Дурново // *Былое.* 1922. № 19. С. 161 — 176.

⁶ *Лемке Б.* Двести шестьдесят дней в царской Ставке. Пг., 1920.